

11.075K

Златоцветовский

Рубрик. гонимый
в М. ода. в XVIII в.

331
3-67

1931

331

48981 ✓

З-67

Златоустовский

РАБ. ДВИЖЕНИЕ В
ИВАН. ОБЛАСТИ В XVIII В

15/5-2803

45 2860
036

2м/ч-1768/м

**ИВАНОВСКАЯ
ПРОМЫШЛЕННАЯ
ОБЛАСТЬ**

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

Б. В. ЗЛАТОУСТОВСКИЙ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

**в Ивановской
области в XVIII** ВЕКЕ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК • 1931**

1808

ИВАНОВСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

1-00

331
367

Б. В. ЗЛАТОУСТОВСКИЙ

Рабочее движение
в Ивановской области
в XVIII веке

11.075к.

1808н

94

Б - 2010

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1 9 3 1

188
138

Процесс социалистического строительства Ивановской области, плановое развитие всех отраслей народно-хозяйственной жизни области и определение ее роли и значения в великой стройке всего Советского Союза настоятельно требуют в первую очередь ясного и четкого знания экономики области и ее хозяйственных ресурсов.

Для каждого участника социалистического строительства совершенно необходимо иметь приведенные в систему сведения об естественно-производительных силах нашей области, ее историческом прошлом, экономике и культуре настоящего времени и перспективах социалистического развития области.

То, что имеется в этом направлении, далеко не отвечает потребностям момента. Материалы бывших губерний крайне малочисленны, не дают отчетливой характеристики области в целом, и составленные бывшими губернскими организациями очерки по отдельным отраслям хозяйства не имеют единой методологии, составление их относится к различным периодам, содержание очерков в значительной степени устарело и выводы их не отвечают современному уровню хозяйственного развития области.

С целью дать более или менее исчерпывающие и обработанные сводные итоги, характеризующие современное состояние области и историческое ее развитие, Ивановское отделение ОГИЗ приступило к изданию серии выпусков под общим названием — «Ивановская Промышленная область».

Это издание должно дать широкому кругу актива советских, партийных, профессиональных и хозяйственных органов и, в особенности, — работникам районов популярно-научную характеристику нашей области и ее районов.

Этим изданием, мы надеемся, будут отчасти удовлетворены и потребности нашей школы, правильное построение работы которой невозможно без изучения краеведного материала.

Редактирование серии принадлежит т. Рубинштейну Н. Л. (очерки по истории и социально-культурному строительству) и т. Соколову П. А. (очерки по экономике).

Процесс образования рабочего класса в период крепостного хозяйства

Пролетариат Ивановской Промышленной области является одним из наиболее ранних по своему образованию отрядов рабочего класса СССР. Наравне с крупнейшими и старейшими рабочими центрами Москвы, Урала и Ленинграда он может отнести начальный период своей истории к XVIII столетию, когда, при поддержке правительства Петра I и при участии торгового капитала, в современных границах области* возникали крупные полотняные мануфактуры Тамеса в с. Кохме (1719 г.) и Затрапезнова в г. Ярославле (1722 г.). В выборе географического размещения этих первых петровских мануфактур несомненно играло роль, кроме близости сырьевой льняной базы, то обстоятельство, что значительная часть крестьянского населения области, вследствие неблагоприятных естественно-географических условий для земледелия, вынуждена была в XVII ст. заниматься торгово-промышленной деятельностью, в которой видное место занимали кустарные промыслы текстильного производства, обслуживавшие обширный рынок при посредстве скупщика. Наличие склонного к промышленной деятельности и, в значительной степени, свободного от земледельческих занятий населения, казалось бы, создавало благоприятную почву для дальнейшего развития промышленности. Однако, нам известно, что первые петровские мануфактуры терпели сильную нужду не столько в средствах, сколько именно в рабочей силе. Нужда вызывалась не тем, что этой рабочей силы не доставало, а тем, что она находилась в центре борющихся общественных отношений, насквозь пропитанных крепостничеством. Промышленность же, как известно, требует для своего развития свободных рук, вольного труда. Поэтому, снабжение рабочей силой наших первых фабрик-мануфактур шло еще в значительной степени при поддержке правительства: Тамес для своих полотняных фабрик получил от казны село Кохму в Шуйском уезде с 641 крестьянским двором и надеялся принудительным трудом пустить в районе глубокие корни фабричного полотняного производства. Затрапезнов для своей Ярославской м-ры (172 стана и 180 рабочих) первоначально также получил мастеровых с упраздненных казенных заводов. Но с расширением производства ему неизбежно пришлось прибегнуть к контингенту наемной рабочей силы из самых разнообразных слоев населения. Большинство его рабочих (67%) составляли «посадские

* Ивановская Промышленная область образовалась в 1929 г. из трех бывших губерний: Владимирской, Костромской и Ярославской.

люди» (241 ч.) и «крестьянские сыны» (220 чел.); значительные группы рабочих состояли из семей ремесленников (22 чел.) и духовенства (50 ч.) и только 10 человек значились, как купленные к фабрике *. И все же, в условиях крепостного права первой половины XVIII века, промышленность не могла рассчитывать, исчерпывающе на наемный вольный труд; основным контингентом промышленных рабочих могло быть только крепостное крестьянство, передаваемое фабрикам или от государства, или от помещиков. Вопрос снабжения рабочей силой промышленных предприятий торгового капитала, купечества был решен правительством указом 1721 г., которым разрешалось «купецким людям» покупать к своим фабрикам целые деревни с тем, чтобы крестьяне этих деревень «всегда были при тех заводах неотлучно». Это — так называемые посессионные фабрики, на которых крестьяне принадлежали — «были крепки» — самой фабрике, а не ее владельцу, власть которого над рабочими и производством была ограничена и регулировалась правительством. Первых местных промышленников, видимо, не удовлетворял этот указ, так как в 1736 г. Затрапезнов и Тамес обращались к правительству с просьбой удовлетворить нужду «в мастерах, подмастерьях, учениках и рабочих людях». Правительство шло навстречу и принудительно прикрепляло к фабрике ту свободную силу, которую ей удавалось уловить из состава беглых крестьян, бродяг, нищих, преступников, проституток, а затем детей и жен солдат, матросов и др. служилых людей, если их мужья умерли или находились в походах и дальних посылках. Таким образом, правительство еще в первой половине XVIII в. распространило крепостной труд и на индустрию, на обрабатывающую промышленность, на те предприятия, которыми владели не дворяне, а купечество. На основании указа 1721 г. в области возникло в XVIII ст. значительное количество купеческих фабрик «на праве посессионном».

Вторая половина XVIII ст. — века господства дворянского влияния и дворянских привилегий — характеризуется в промышленности борьбой двух начал: принудительного и вольнонаемного труда. Указ 1762 г. о запрещении купечеству покупать крестьян к своим фабрикам вызвал особенно яркое проявление борьбы между дворянством и купечеством в Екатерининской Комиссии по Уложению 1767 г. В своем стремлении завладеть промышленностью дворянство всячески старается опорочить посессионные купеческие фабрики. Вот образец наказа ярославских дворян, которые, характеризуя положение рабочих купеческих фабрик, пишут: «Самый сей столичный город свидетелем может быть распутному состоянию сих оставленных от всей людей. В них по большей части пьянство и пороки только вкоре-

* В опубликованной недавно работе М. В. Злотникова «К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России» (Сб. «История пролет. СССР», вып. 1) рабочее население мануфактуры Затрапезнова исчисляется на 1733 г. в 1674 человека, из коих крестьяне составляли 47,4 проц.; посадские люди — 23,6 проц.; солдатские дети, матросы и рекруты — 12,4 проц.; рабочие и дети рабочих — 1,7 проц.; церковники — 5,3 проц.; иноземцы — 3,6 проц.; ямщиковы дети — 1 проц.; татары — 0,6 проц.; черкасцы — 0,2 проц.; запорожцы — 0,2 проц.; вольные с отпусками — 0,2 проц.; компанейщиковы люди — 0,2 проц.; купленные к мануфактуре — 1,7 проц.; непомнящие родства — 1,2 проц.

нились, что нетщатся о приведении себя в лучшее состояние в своем мастерстве; в них нравы повреждены, многопородие уменьшается и беспорядки в городах и деревнях от них нередко бывают». Оставляя купечеству право пользоваться вольнонаемным трудом, закон 1762 г. вызывает многочисленные жалобы купечества, образцом которых может служить наказ в Комиссию 1767 г. от костромских купцов, заявлявших, что «фабрикантам и заводчикам без своих собственных крестьян фабрик и заводов размножать и приводить в лучшее состояние никак не можно, понеже вольные люди не могут быть в таком послушании, как собственный приписной или крепостной, и работа, от него производимая, не может быть действительной». Дворянское влияние одержало верх и, начиная со второй половины XVIII ст., в помещичьих имениях в большом количестве возникают крепостные вотчинные фабрики. Они не были, однако, пригодны для квалифицированного промышленного труда и держались лишь наличием своего сырья (лен, пенька, шерсть) и даровой рабочей силой. Организация труда на них была связана с поместной системой, работы отбывались в порядке барщины с использованием, большей частью, системы работы «брат на брата», когда половина крестьян занята земледелием, а другая — промышленным трудом. Иногда на фабрике работали зимой, а летом занимались полевыми работами. Вотчинная мануфактура не привилась там, где требовалось крупное сырье и высокая техника, например, в хлопчато-бумажном производстве. В 40-х годах XIX ст., когда на смену полотняной промышленности приходит бумаго-ткацкое производство и когда посессионные фабрики окончательно переходят к вольнонаемному труду, вотчинные фабрики начинают сильно сокращаться в числе.

Первые фабрики XVIII ст. явились и первой технической школой для распространения, в свою очередь, фабричного искусства среди крестьянского населения. К половине XVIII ст. в области в широком размере развились ткацкие кустарные промыслы, что находилось в непосредственной связи с увеличением числа фабрик и фабричных рабочих. Отходу крестьян на фабрики и другие внеземледельческие промыслы способствовало и то обстоятельство, что крепостные крестьяне нашей области в большинстве сидели на оброке, а не на барщине. В Ярославской губ. на оброке было 78% всех крепостных крестьян, в Костромской — 85%, во Владимирской — 50%, а к началу XIX ст. — 70%. В 1778 г. в Ярославской губ. было взято крестьянами 53656 паспортов, а в 1802 г. — уже 69539 паспортов. До 20% всего мужского населения деревни уходило на сторону для заработков внеземледельческими промыслами. Безземельные и малоземельные оброчные крестьяне и составляли главный контингент вольнонаемных фабричных рабочих второй половины XVIII ст., они и создавали те квалифицированные рабочие кадры, которые все более превращались в профессиональных промышленных рабочих.

В то же самое время, в условиях кустарно-промысловой деятельности, крепостное крестьянство Ивановской области в XVIII ст. не сохранило своей однородности и расслоилось. Из экономически беспомощной и зависимой крестьянской массы начали выделяться само-

стоятельные верха, выполнявшие кулаческую миссию. Помещики в оброчных местах были заинтересованы в развитии промышленной деятельности среди этого слоя своих крепостных, чтобы получать с них большой оброк, и всячески им содействовали, позволяли им даже покупать себе крепостных, записывая их на свое имя. Нам известно, что в половине XVIII ст. из этих крепостных кулаков выросли ивановские фабриканты: Бутримовы (1742 г.), Грачевы (1748 г.), Гарелины и Ямановские (1751 г.) и др. Это третий тип фабрики XVIII ст. в нашей области, — фабрики крепостных крестьян, — которые были основаны на наемном труде. Очевидно, в силу сложившихся в то время в селе Иваново социальных отношений местные крестьяне сильно противились открытию в селе первых фабрик. Бутримову, несмотря на покровительство помещика, гр. Шереметева, с трудом пришлось набирать рабочих на стороне. Даже через 5 лет после основания его фабрики «фабришные... у него работники имеются все посторонние люди разных дворцовых и монастырских волостей». И только через 7 лет, в 1749 г., Бутримов и Грачев доносили графу, что «при заводе обучено Ивановской вотчины крестьян 250 человек разным мастерствам». Из местного населения на фабриках села Иванова преобладали беднейшие его слои, «крестьяне последней статьи», при чем не все из них шли по доброй воле на фабрику, а многие были вынуждены долговой зависимостью от фабрикантов, как «кабальные работники».

Во второй половине XVIII ст., кроме упомянутых фабрик с. Иванова, в области наблюдается быстрый рост крупных полотняных фабрик как дворянских, так и купеческих, при чем последние к концу века стремятся перейти на вольнонаемный труд. В одной Костромской губ. вслед за фабрикой купца Углечанинова (1751 г.) возникает до 35 полотняных фабрик; в 1755 г. в Шуе возникает фабрика купца Я. Игумнова, затем Посылина, Корнилова, и др.; в 1758 г. — фабрика купца Таланова в Кинешме и Угрюмова, в Переславль-Залесском; в 1761 г. — фабрика Лапшина в Нерехте, целый ряд фабрик в Ростовском уезде и проч.

Наконец, кроме крупной централизованной фабрики, одной из форм промышленных предприятий второй половины XVIII и первой половины XIX ст. в области была крупная децентрализованная промышленность в форме раздачи работы крестьянам на дом. Известно, что костромские фабриканты строили светлицы в казенных и помещичьих имениях, снабжали их инструментами и пряжей, раздавали ее крестьянам, которые в свободное от полевых работ время, не отлучаясь от своих домов, ткали из нее полотна и отвозили их в город. Точно так же шуйский купец Корнилов имел на фабрике 300 станков и 500 рабочих, да по деревням столько же. Одна из фабрик имела не более 200 рабочих, да «по разным деревням Шуйского, Суздальского, Вязниковского, Гороховецкого, Юрьевоцкого и Кинешемского уездов — около 2000 человек». Этот способ эксплуатации был широко распространен во всех районах области и был дешевле, чем работа вольнонаемными рабочими, и в то же время был сопряжен с возможностями жесточайшей эксплуатации.

В этих двух формах промышленных предприятий — централизованной фабрике и эксплуатации домашней работы крестьян — происходило и накопление капитала и образование профессионального рабочего еще в XVIII ст., т.-е. образование, с одной стороны, класса капиталистов, с другой — класса наемных рабочих.

Первая половина XIX ст. в состоянии областной промышленности характеризуется, с одной стороны, полным упадком полотняного производства, вследствие прекращения его экспорта за границу, с другой — еще более сильным развитием крестьянских бумаго-ткацких и набивных промыслов, подготовлявших переход местной промышленности к образованию крупных хлопчато-бумажных предприятий. Уже к 1810 г. по одной только Владимирской губ. насчитывается 94 хлопчато-бумажных фабрики, а в 20-х годах XIX ст. в одном селе Иванове существовало до 170 набойных заведений. В это время вновь из крестьянской среды поднимаются крупные фабриканты: Коноваловы, Миндовские, Морокин, Разоренов, Ясунинские и др.

С 30-х годов в области начинается период реконструкции местной промышленности, переходящей от мануфактуры с ручным трудом к механическим двигателям. Если в XVIII ст. в силу экономических условий был вызван к жизни институт посессионной фабрики с принудительным трудом, то в первой половине XIX ст. он становится все более и более излишним. С переходом на машинную технику более выгодным стал труд вольнонаемный и фабриканты сами начинают отказываться от посессионного владения крестьянами. Так, фабрикант Куманин (Владимирской губ.) в прошении 29 ноября 1843 г. заявляет: «по причинам изменившегося хода мануфактурной промышленности, нахожу важные неудобства работ на фабриках посессионными людьми». Купцы Поповы (Яросл. губ.) 4 марта 1847 г. также находят, что «при настоящем положении фабричных и торговых дел встречаются неудобства в содержании посессионных крестьян в производстве посредством их фабричных работ».

На ряду с переходом к вольнонаемному труду в первой половине XIX ст. происходит изменение и в руководящем составе промышленности: после 30—40-х г.г. дворянская вотчинная фабрика сходит со сцены, а происходящий процесс выкупа на волю в громадном количестве крепостных мастерков и фабрикантов создает господство вольно-купеческой фабрики. В одном селе Иванове в 1829—30 г. из 33 фабрикантских семей 15 семейств выкупилось на волю и перешло в состав купечества.

Таким образом, возникновение в XVIII и первой половине XIX ст. в области крупной фабрики с огромным количеством наемной рабочей силы обеспечивалось тремя важнейшими факторами, существовавшими уже в процессе экономической жизни XVII и начала XVIII ст.: 1) концентрацией торгового капитала в руках городских купцов и верхушки сельской крепостной буржуазии; 2) образованием контингента вполне подготовленных и технически обученных рабочих кадров, вследствие широко развитых в области еще с XVII ст. кустарно-промысловых занятий населения и 3) наличием торговых рынков для сбыта местного производства как за границу, так и в Сибирь.

И если еще в крепостной России не было класса свободных рабочих, то процесс образования этого класса уже совершался, нарастали капиталистические отношения и крепостная фабрика превращалась в капиталистическую. Образование класса капиталистов и класса рабочих происходило на основе первоначального накопления капитала, сопровождавшегося обезземелением крестьянства и, хотя еще не было личной свободы, но под влиянием складывающихся социально-экономических отношений уже в рамках крепостного строя образуется обезземеленный фабрично-заводский пролетариат. Наиболее яркий и окончательный процесс пролетаризации фабричного рабочего происходит в пореформенный период, о котором будет идти речь ниже.

Положение рабочих и волнения их в период первоначального накопления промышленного капитала (XVIII и первая половина XIX ст.)

Промышленные рабочие крепостной эпохи, как мы уже видели, являлись, прежде всего, индустриальными крепостными крестьянами, разделявшимися на три категории: либо крепостные на вотчинных дворянских фабриках, либо посессионные, т.-е. приписные и купленные к фабрикам, либо, наконец, вольнонаемные из оброчных помещичьих и государственных крестьян. Все эти категории рабочих находились или во власти всеильного своими привилегиями помещика, или во власти промышленно-купеческого капитала. И в том и в другом случае рабочий был закабален и находился под гнетом крепостного бесправия. Вот этим общим укладом крепостного строя определялось и положение рабочих.

Существовавшие на территории Ивановской области дворянские вотчинные фабрики указывают на три способа использования на них крепостного труда: 1) в некоторых случаях крепостные крестьяне находились на помещичьей фабрике в полном его распоряжении, никакой платы в качестве жалования, кроме содержания, не получали, а весь их заработок составлял доход помещика; 2) иногда, напр., на полотняной фабрике кн. Щербатова в Ярославской губ., помещик назначал рабочим «задельную плату» по своему усмотрению, при чем он волен был выплату ее по своему желанию прекратить без права жалобы на него; 3) нередки, наконец, случаи, когда помещик, устраивая в своем имении фабрику, отдавал ее в аренду вместе с крестьянами «по контрактам» с правом получения в свою пользу условленной платы, т.-е. заработной платы рабочих. Все эти случаи представляли примеры жестокой эксплуатации, вызывая протесты, волнения и бунты крепостных рабочих.

Попасть на вотчинную фабрику — это все равно, что попасть в ссылку. Так расценивали фабрику нередко и сами помещики. Крестьяне села Мугреева с деревнями (Вязниковской округи), находясь во владении Гончарова, заводы которого были в Калужской губ., все время слушали угрозы тирана-приказчика за непослушание «половину запороть, а 600 на заводы сослать».

В конце XVIII ст. крестьяне помещика Соленникова в Александровском уезде, Владимирской губ., жаловались, что помещик на своих трех фабриках «их отягощает фабричной работой и от того отягощения они в летнее время от хлебопашества своего лишаются и хлеб жатвою и посевом исправляют не во-время, от чего они пришли в разорение». Отягощение работой сопровождалось еще и низкой оплатой труда на фабрике, где они получали «на каждого человека с семейством по 7 р. в год, ржи по 3, да овса одну четверку в месяц». Волнения крестьян были подавлены военной силой.

Резкий отпор крестьяне выражали по поводу принудительной приписки их к фабрикам. Примером откровенного возмущения их являются волнения в 1765 году крестьян села Батыева, Суздальского уезда, купленных фабрикантом Колосовым к его Московской шелковой фабрике и не желавших итти «в послушание к Колосову». Для «усмирения» их из Владимира неоднократно высылались военные команды. На одну из них скрывавшиеся бунтовщики напали и «с набатным боем, дубьем, топорьем с вилами и великими обнаженными ножами» отбили у команды оружие, требуя выдачи им приказчиков фабриканта. Найдя приказчиков, они начали «штыками и рогатинами колоть, обухами, дубинами и кольями бить и доколоть хотели и на мелкие куски изрезать». Высланный в Батыево отряд солдат в 100 чел. силой оружия привел крестьян «в должное рабское послушание господину своему».

Сельцо Апалихи (под Костромой), принадлежавшее графу Воронцову, «было ссыльным поселением, куда свозились из разных его имений крестьяне, не платившие оброка, для работ на полотняной фабрике». Сначала фабрика (основанная в 1752 г.) эксплуатировалась самим владельцем, а затем сдавалась в аренду по контрактам с находившимися при ней крепостными фабричными. Апалихинские крестьяне, будучи сданы в 1834 г. в аренду купцу Частухину, жаловались Воронцову на свое бесправие и зависимость от фабричного приказчика, который «что захочет, то и делает и навел на всех страх». Из своих личных корыстных целей приказчик буквально выжимал соки из рабочих: «если кто у него — жаловались рабочие — не берет хлеба и прочих припасов, таковым делает сильное угнетение, не дает работы фламских основ, а принуждает брать основ равендушных, да и за работу денег не дает месяц и более... и оные деньги употребляет в торговлю». Приказчик «довел себя до такой высокой степени, что ежели кто какой сделает проступок из среды нас, то наперед иди к нему судить, а обойдя вотчинное правление, и какое от него последует рассуждение, тем самым и кончится».

Одним из наиболее ярких проявлений рабочего движения на вотчинных фабриках нашей области является забастовка крепостных рабочих на суконной фабрике в имении Бибиковой, в с. Шухомше, Нерехтского уезда, Костр. губ., в 1813 году. Работа на фабрике была организована на условиях барщинной системы, работали «брат на брата». Расследованием дела о забастовке исправником установлена жестокая эксплуатация шухомошских суконщиков. На фабрике работали люди с 8 лет и до семидесяти, при чем детский труд до 12 лет

применялся без смены, т.-е. день изо дня. По свидетельству крестьян притеснения их приказчиком дошли до того, что «вместо случившихся больных забирают (на работу) последних от домов или вместо оных принуждают нанимать работников... От таких притеснений и наймов вместо себя работников не только лишились, но даже и земля не обработана, да и запахать нечем, и времени на то не имеют, а изотдали всю оную в кортому (в аренду); по той причине и на фабрику итти не могут для того, что ходят для собирания милостыни и тем себя кормят; больше же всего вынуждены были оставить оную (фабрику) от несносных побой, чинимых им приказчиком и мастером за то, что вместо больных не выставляют работников». Суконщики перестали выделывать в положенное время задаваемых им уроков и заявили бурмистру, что они «больше на фабрике работать не хотят», добавив, что «им есть нечего», а через исправника просили «дать им свободу для пропитания, дабы не помереть с голоду». Имеются сведения о том, что в результате волнений шухомошские рабочие, ради избавления от работы, сожгли фабрику.

Подобный результат волнений вотчинных рабочих описан во владимирских земских изданиях относительно умышленного поджога крестьянами фабрики в Пестяках, вотчине Хованских, где крестьянам не под силу была тяжелая работа «на 4-х дневной барщине с раннего утра до поздней ночи». Как в Шухомоше, так и в Пестяках, после пожаров фабрики не возобновляли своей промышленной деятельности, т. к., очевидно, принудительный труд не обеспечивал их процветания.

Желание освободиться от крепостной индустриальной неволи нередко имело для рабочих самые печальные последствия. Дело о заговоре мастеровых завода Мальцова на Гусь-Хрустальном в 1838 г. раскрывает картину настойчивого стремления рабочих доказать, что они являются не помещичьими, а приписными, посессионными крестьянами. Имея в виду, очевидно, закон 1835 года о разрешении отпускать приписных и покупных на посессионном праве мастеровых по паспортам, рабочие задумали, «выбравши кого-нибудь из среды себя, искать ходатая для отыскивания освобождения их из владения господина». На случай неудачи своих замыслов рабочие «учинили присягу крестным целованием стоять за одно и друг друга не выдавать». Дело это рассматривалось в Меленковском уездном суде, который в своем определении, считая, что рабочие, «забыв долг обязанности своей, увлеклись беспрестанно ложными понятиями о «свободе», решил, что «выражение их при крестном целовании: стоять за одно и друг друга не выдавать... и самый заговор их к отысканию непринадлежащей им свободы... заключают в себе возмутительное преступление и сей поступок, облеченный в сферу неповиновения законным властям, клонится к поколебанию прав владельца, нарушению общественной тишины и спокойствия и возбуждению беспорядков». Суд постановил 8 человек «наказать публично плетью через палача и дать оным по 15 ударов каждому в страх другим на месте Гусевской фабрики, потом сослать в Сибирь на поселение», а остальным 15 рабочим «предоставить учинить наказание на волю г. Мальцова».

Наконец, картину тяжелого положения рабочих вотчинных фабрик раскрывает дело 1849 года, из которого видно, что дворовые люди помещика А. А. Горяинова в селе Троицком, Ростовского уезда, работали на его бумаго-прядильной фабрике, находившейся в аренде Клинского купца Блохина. Вследствие тяжелых условий своего существования, они подали жалобу высшему начальству «об учинении распоряжения к доставлению средств, потребных для поддержания их жизни». По личному расследованию этого дела на месте ростовский предводитель дворянства подтвердил, «что жалобы работающих на бумаго-прядильной фабрике людей действительно справедливы: они все находятся в самом жалком состоянии; с них берут по учрежденной табели г. Горяинова за все: за квартиру, за дрова, за харчи, банные, подушные; не исключены женщины и малолетние девочки от этого платежа, а между тем они обитают в самых ветхих и угрожающих большой опасности флигелях, держащихся на множестве подпорок внутри и снаружи, в неимоверной тесноте, нечистоте и холоде; бани не существует вовсе, и, таким образом, за таким незаконным и ужасным вычетом по учрежденной табели им точно едва что-либо остаться может для поддержания их существования и чтобы иметь кой-какое рублище; к этому болезнь венерическая развита в сильной степени; медицинского пособия нет, словом, эта несчастная и жалкая толпа фабричных людей обоюбого пола оставлена без всякого внимания и попечения как со стороны владельца, так и вотчинного начальства». Поднятое дело заставило принять кое-какие меры к улучшению состояния фабричных рабочих; однако, в конце концов, дело по просьбе владельца и предводителя дворянства было прекращено. Таковы лишь краткие примеры грубой и хищнической эксплуатации труда на крепостных вотчинных фабриках Ивановской области.

Положение рабочих посессионных фабрик мало чем отличалось от положения рабочих помещичьих фабрик. Малая производительность принудительного труда и там возмещалась усиленной эксплуатацией: уменьшением расходов на содержание рабочих и увеличением часов работы. Несмотря на некоторые ограничения власти владельца посессионной фабрики, ему все же были предоставлены все права, присущие крепостному строю.

Историк Большой Ярославской м-ры, А. Ф. Грязнов, описывая невыносимо тяжелые условия работы и жизни ярославских рабочих, заключает: «Жизнь рабочих на мануфактуре во время нахождения ее во владении Затрапезнова была далеко не красна; всюду плети, плети и плети». Еще указом 1736 года, сильное влияние на издание которого оказали Затрапезнов и Тамес, фабрикантам давалось право «наказывать домашним порядком вечно отданных им мастеровых»; тех же, «которые явятся невоздержные и ни к какому учению не прилежные», отправлять в коммерц-коллегию «для ссылки в дальние города на Камчатку на работу, чтоб другим был страх».

О положении рабочих на полотняных фабриках можно судить по изданному в 1741 году «Регламенту суконным и каразейным фабрикам», который применялся и на фабриках Ивановской области вплоть до XIX ст. «Работные регулы» (правила) этого регламента

устанавливали рабочий день в 14 часов. Правда, на некоторых фабриках области он спускался до 10—12 часов (фабрика Грязнова в Кинешме, Попова в Угличе, Ашастина в Костромской губ.), но зато были и такие фабрики, как, напр., Стригалева в Костроме, где работали «по мере необходимости иногда в день часов утренних от 4-го и 5-го и пополудни не более 10-го», т.-е. до 16 часов. «Регулы» предписывали за опоздание на работу «штрафовать неотменно: за первый раз—сильным выговором, за другой раз—вычетом на один час из дневной платы, за третий раз—против вдвое, за четвертый раз вычетом из дневной его платы половины». За самовольную отлучку с фабрики «без законной причины, а именно для болезни и других тому подобных случаев», в первый раз вычиталась полная плата за прогул, а в третий раз вычет вдвое «и сверх того бить его батошьем». «Мастеровым и работным людям отнюдь не допускать, чтобы жены и дочери их, кои работать в состоянии будут, дома праздны пребывали или гуляли, но паче их... на фабрике такой работе обучать, какую исправлять могут». В широком размере применялся и детский труд. На Малой Ярославской м-ре Угличанинова, где работало 528 человек, при ткачах находилось до 90 малолетних в возрасте от 9 до 12 лет, не считая их детей, которые работали на дому, помогая женщинам разматывать пряжу на катушки. За непослушание содержателю фабрики или фабричному начальству рабочий подвергался жестоким наказаниям. Если кто «грубым ругательным словом, дерзостью их касаться будет, того за такие преступления наказать: в первый раз плетью, в другой раз—батошьем с платежом или вычетом заслуженной платы на 3 месяца, в третий раз—ссылкою на один год в каторжную работу; а ежели кто дерзнет вышеупомянутых людей руками или побоями оскорбить, того бить кнутом и, по обстоятельствам дела, осудить в каторжную работу на несколько годов или вечно».

Беспощадные штрафы взимались с ничтожнейшей заработной платы. На костромских фабриках в 1803 году недельный заработок повременных рабочих при выварке пряжи колебался от 80 к. до 1 р. 80 к., составляя в среднем 1 р. 30 к.—5 р. 20 к. в месяц, что в переводе на ржаную муку по тогдашним московским ценам составляло 8½ пудов ржаной муки.

Принимая во внимание, что с первых лет XIX ст. номинальный заработок повышался, мы имеем следующие данные о заработках в месяц для Большой Ярославской полотняной м-ры.

	1813	1818
Ткачи	8 р. 20 к.	13 р. 40 к.
Проборщики	5 р. 20 к.	8 р. 96 к.
Ткачихи	5 р. 30 к.	7 р. 50 к.

Но если заработок ручных полотняных ткачей, получавших кроме денежной оплаты до 50% заработка натурой, еще повышался, то совсем иная картина наблюдается на хлопчато-бумажных и особенно ситце-набивных механизмирующихся фабриках с. Иванова, где заработки падают:

	1810	1830	1850	1860
Набойщики	12 р. 20 к.	8 р. 15 к.	6 р. 12 к.	5—8 р.
Ткачи ручные	6 р.	4 р. 50 к.	3 р. 50 к.—4 р.	3 р.—3 р. 50 к.
Ткачихи	—	—	12 р.—16 р.	10 р.—13 р.

Если припомнить, что мука ржаная с 18 к. за пуд в 1778 г. повысилась к 1841 г. до 2 р. 80 к. за пуд, то станет ясно, что реальная зарплата и для ручных мануфактур и для механизированных фабрик значительно понизилась для всех категорий рабочих.

Не лучше, чем вотчинные фабричные, были обеспечены посессионные рабочие и жилищем. Наиболее распространенным видом рабочего жилья были казармы, где без различия пола и возраста помещались все на нарах в повалку. Но не все рабочие пользовались такими «способными казармами». По сведениям Жур. Мин. внутр. дел, в 1847 г. в г. Шуе и его окрестностях многим рабочим, за отсутствием помещений, даже зимой приходилось спать на открытом воздухе или, в лучшем случае, на голом полу кухни и в паровиках. Такие условия существования не позволяли рабочим иметь не только какие-либо накопления для удовлетворения своих духовных потребностей, но даже насущных предметов жизненного обихода. Ярким свидетельством тому служат описи имущества рабочих Большой Ярославской м-ры 1775 г., произведенные следственными властями. Для примера приведем лишь две из них: у рабочего Д. Крашенинникова «образ медный казанской богоматери, одежды—кафтан серый поношенный, да еще на нем шуба овчинная, а сверх сего принадлежащей ему одежды еще никакой не оказалось»; у М. Прокофьева «образ Николая чудотворца без оклада, а одежда у него, Прокофьева, и с женой его, кроме что имеется на них носильная одежда, ничего не оказалось». Остальные описи в том же роде.

Первоначальной формой протеста рабочих посессионных фабрик против произвола их предпринимателей были побеги рабочих, за которые они всегда получали наказания побоями кнутом или батогами, «дабы, на то смотря, впредь другим мастеровым и работным людям бегать и подложных пашпортов писать было неповадно».

Первое проявление волнений рабочих посессионных фабрик отмечается в 1722 году на Ярославской фабрике Затрапезнова, вследствие того, что рабочие были переселены жить в пределы фабрики, где и были изолированы рогатками от внешнего мира, по причине свирепствующей в городе чумы. Открытая в «черте оседлости» фабричная лавка установила цены гораздо выше рыночных. Требуя разрешения пропуски на рынок, рабочие, кроме того, требовали осво-

бождения одного из рабочих, закованного в кандалы за самовольный проход через рогатки. Результатом этого дела было решение четверем рабочим «учинить при публице в собрании народа наказание плетью».

В 1740 году на той же фабрике отмечается первое проявление активного социального протеста рабочих, охваченных революционным настроением. Раскрыт был заговор рабочих, которые, будучи недовольны Затрапезновым за то, что он «больно наказывает и велит в колодках держать не малое время», собирались сжечь фабрику, «зарезать хозяина и живущих при нем людей, разломать дверь казенной палаты, забрать все, что там имеется, и итти на Низ, на Демидовы заводы».

Другой пример антагонизма между закабаленными рабочими и их владельцами, доходящего до покушения на жизнь фабриканта, мы имеем в Костроме, где в 1761 году дворовая работница фабриканта Д. И. Углечанинова, Анна Яковлева, обвинялась «в отраве травами и кореньями оного Углечанинова, жены, також братьей ево и жен и детей», за что она получила наказание кнутом в 50 ударов и была сослана в Сибирь.

Кроме попыток освободиться от крепостного фабричного труда путем побегов, террористических актов и легальной борьбы через суд и высшие инстанции, вплоть до сената, известно много случаев массовой борьбы рабочих, имевшей место в различных районах Ивановской области.

Одним из примеров проявления коллективного протеста служит жалоба царю от крестьян с. Семеновского, Кинешемского уезда, в 1796 году на фабриканта Углечанинова, который, по их словам, производит «великое обидство и крайнее разорение», т. к. берет на свою фабрику все взрослое население, матерей с грудными детьми и даже беременных женщин. Поля крестьянские запустели. «Всех, и мужчин, и женщин, и стариков, Углечанинов бьет плетью, линьками, прутьями... или велит привести в контору виновных, разденет их до гола, дает им прутья и заставляет их друг друга бить, пока из сил выбьются; волосы на голове и бороде вырывает, сажает на цепь, прикованную к стулу, заковывает в ручные и ножные цепи... Истязания бывают так мучительны, что один крестьянин Фома Васильев, в рогатке бросился в реку Кострому и утонул, другие убежали от господина, некоторые от наказаний поумирали». Жалобы рабочих выявили настолько вопиющие злоупотребления, что царь, вопреки обычаю, повелел выборных из крестьян ходатаев «простить и отпустить в их жилище», с приказанием не взыскивать с них за отлучку во время подачи прошения. Несколько позднее в 1817 году, на Малой Ярославской м-ре, принадлежавшей тому же Углечанинову, происходили волнения рабочих из-за недостаточной заработной платы и жестокого обращения с ними управляющего Петрова, который «налагает сроки в работе, дабы всякий человек поспевал окончить свою штуку в 14 дней; и если кто да прострочит за каким случаем: за домашним, или кто был нездоров, да не отлепоторовался, то он не дает хлеба тому человеку и таскает за бороды, и жен и девушек ругает оскорбительными словами, и штрафует мукой и деньгами».

Наконец, начиная с 1803 г., с небольшими перерывами до 1824 г., рабочие Большой Ярославской м-ры ведут упорную борьбу, неоднократно доводя свои жалобы до высшего правительства и царя. В своих прошениях рабочие просили увеличения заработной платы, жаловались на чрезвычайные штрафы, на несправедливое отношение к ним администрации и т. д. Администрация ответила: «вы бунтовщики, если не умолкнете, то поступлено будет с вами, яко со злодеями». Губернское же правление, куда рабочие направили свою жалобу через своих поверенных Алексеева и Езопова, предложило с должным повинованием пребывать спокойными в ожидании ответа и дать в том подписку. Поверенные «отозвались, что к тому определению подписаться не велят им собратья их», и за это были отданы под суд и наказаны плетью по 50 ударов каждый. Это, однако, не смутило рабочих: через двух других своих поверенных—Москвина и Маркелова—они отправили прошение к царю. Прощение подать им удалось, но сами ходоки были задержаны, как беспаспортные, отправлены в Ярославль, где суд постановил наказать их, «в страх другим», плетью на фабрике каждого по 30 ударов. Приговор был приведен в исполнение на площади перед конторой, с барабанным боем, в присутствии собранных нарочно для этого рабочих. В 1805 году рабочие тщетно пытаются исхлопотать паспорта для новых ходоков, и, не получив паспортов, ходоков к царю все же отправили, вручив им приговор с 418 подписями. Депутаты были вновь арестованы. Еще и после этого ярославские рабочие неоднократно обращались к царю, но каждый раз депутаты арестовывались и наказывались розгами. Дело, в конце концов, попало в сенат, который постановил, чтобы рабочие «неосновательными жалобами высшее правительство утруждать не отваживались... в противном случае подвергнут себя неослабному по закону наказанию». После этого решения рабочие с еще большей настоятельностью возобновили свои домогательства. В 1817 году через мастеровых Москвина и Попова они подали новое прошение министру внутренних дел Козодавлеву и одновременно министру юстиции. В прошении рабочие уже не ограничились прошлыми требованиями, а заявляли о том, чтобы им было предоставлено право выбирать из своей среды «мужских двух или трех человек для управления людей, чтобы было все по справедливости, как с нашей стороны, так и содержателя или управляющего». Как видим, это уже похоже на требование рабочего контроля.

В результате подробного исследования дела Козодавлев нашел в нем такие обстоятельства, «которые открывают или стесненное положение фабричных или несправедливое с ними обращение управляющих и местного полицейского начальства». А между тем, настроение рабочих быстро повышалось и дошло до полного прекращения работ и открытого неповиновения; устраивались «мятежные сходки», организовывались нелегальные кружки, на которых обсуждалось создавшееся положение и определялась тактика борьбы. Рабочие со всей решительностью выступили на защиту вожаков, требуя их освобождения. Губернское правление растерялось, и, вместо обычных плетей, немедленно освободило арестованных.

В результате своей 20-летней борьбы рабочие в 1824 году получили повышение заработной платы на 7% и сокращение рабочего дня с 14 до 13 часов и до 12 часов зимой.

После 1824 года, с упадком дел на полотняных фабриках, положение рабочих ухудшилось еще более: то не уплачивалась своевременно заработная плата, то не выдавалась мука, то не хватало материалов для работы и т. п. Среди рабочих вновь возникли беспорядки, под влиянием которых составлялись новые «Положения» (для Большой Ярославской м-ры, для шелковой фабрики Красильникова), но каждый раз они не утверждались министром финансов.

Наконец, на фабриках третьего типа крепостной эпохи, где работа шла почти исключительно вольнонаемными рабочими, а владельцы их в громадном большинстве были выходцы из верхушки крепостной буржуазии и купечества, т.-е. на фабриках, которые еще в крепостную эпоху стали зародышами пышно разросшихся в конце XIX ст. капиталистических предприятий,—мы знаем также волнения и забастовки рабочих, правда, пока как отдельные случаи, может быть, не характерные для того времени, имевшего уже черты эпохи первоначального накопления на первых ступенях развития капитализма.

Прежде всего, необходимо отметить, что происходивший в XVIII и первой половине XIX ст. процесс расслоения крестьянского населения, среди которого, с одной стороны, увеличивается кадр мало-земельной крепостной бедноты, с другой стороны — образуется слой зажиточных кулаков, неизбежно повлек за собой и резкую социальную борьбу расслоившихся сторон. Еще около половины XVIII ст., когда крепостная верхушка села Иванова в лице Бутримова и Грачева основывала свои фабрики (1742 и 1748 г. г.), то дело их постоянно осложнялось трениями с крестьянским обществом, которое неоднократно обращалось с прошениями к помещику, графу Шереметеву, «чтобы Грачеву от заводу фабрики отказать, того ради..., что негодичию от двух фабрик обиды нам невятыся, но, от первой Бутримова фабрики пришли до нас многия озлобления и помешательства».

По свидетельству историка-фабриканта Я. П. Гарелина, в XVIII ст. в селе Иванове «на ряду с людьми, заботящимися о развитии промышленности, оказались и такие, которые, не имея ни средств, ни способности к какому бы то ни было делу, составляли партию недовольных обогащением своих земляков. Пожары 1775 и 1781 годов были их делом». Уже в первой половине XIX ст., по словам Я. П. Гарелина, «категория рабочих составляла сословие, которого побаивались все. Получая за труд свой ничтожную плату, вечно рискуя потерять место, они озлобились и при каждом удобном случае мстили хозяевам за свое угнетенное положение. Лучшими из них считались помещичьи крестьяне, т. к. фабричный заработок являлся для них существенной поддержкой в их хозяйстве и работа на фабрике позволяла быть далеко от отеческих попечений помещика... Худшую часть составляли мещане, отставные и бессрочные отпускные солдаты, государственные крестьяне, затем исключенные из духовного звания

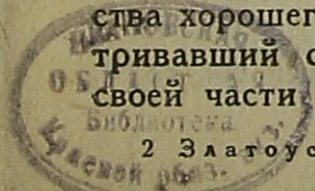
и вольноотпущенные... Глухая вражда рабочих к хозяевам поддерживалась постоянно штрафами, взыскиваемыми за всякую малость».

Архивные материалы подтверждают, что вражду рабочих и их озлобление испытал и сам историк Я. П. Гарелин во время волнений на его фабрике в 1848 году. К этому времени его фабрика была механизирована, пропускала в год до 70.000 штук ситца, а рабочих на ней было 683 человека. На фабрике в этот год, в июле месяце, появилась холера. Рабочие, боясь ли распространения болезни, или пользуясь этим предлогом, чтобы уйти в деревню на полевые работы, потребовали расчета. Фабрикант Гарелин, «услышав требование их, стал посылать на работу, но рабочие об'явили, что работать не станут... и с этим ответом хотели идти к становому приставу, но купец Гарелин приказал запереть ворота и выслать набойщиков». По заявлению Гарелина, рабочие «хотели его прибить; некоторые из них схватили его за горло и разорвали сюртук, так что хотели его убить». Одного из зачинщиков—Ивана Федорова—Гарелин «приказал запереть в амбар, из которого уже (через) несколько времени был выведен, скован и отправлен в становую квартиру»; другого рабочего—Е. Максимова—Гарелин «подозвал к себе, ударил рукою по лицу и хотел тащить в контору, рабочие же за него ухватились и не хотели от- дать, но пришедшие набойщики у них отняли и отвели в контору». Дознанием установлено, что «буйства рабочих на фабрике не было, а только они не хотели жить у Гарелина, опасаясь появившейся холеры». Гарелин же уведомил губернатора, что он «простил тех людей по христианскому снисхождению».

В следующем, 1849 году, происходила стачка рабочих в Шуе на крупной «вольно-купеческой м-ре Ф. Г. Попова». На фабрике было 7200 веретен и 108 механических ткацких станков. Кроме того на стороне для него работало 1058 станков. Всего на Попова работало 1420 человек. Рабочие бросили работу, будучи недовольны низкой заработной платой и частыми вычетами за невыработку товара. По сведениям губернатора, «между рабочими людьми произошли значительные беспорядки, для прекращения коих были вынуждены принять весьма сильные полицейские меры при содействии даже воинской команды».

Необходимо отметить, что в то же самое время происходила самая ростовщическая эксплуатация труда кустарей при помощи скупщика на основе развития старой домашней индустрии. Нам известны серьезнейшие попытки строго регламентировать труд кустаря в нашей области. В 40-х годах XIX в. правительством обсуждался проект «правил для крестьян Владимирской губ., занимающихся работами на фабриках», составленный купцом П. Зиминим из Гаврилова-Посада. Ряд статей «правил» связывал кустаря по рукам и ногам, закрепощал его труд за одним и тем же фабрикантом-раздатчиком, воспрещал выделку кустарем миткаля для торговли, требовал ручательства хорошего поведения и т. д. Надо полагать, что проект, предусматривавший систему жестокой эксплуатации кустаря, в значительной своей части был основан уже на существующей практике тех трудо-

11.07.5K

вых конфликтов между крестьянином-кустарем и городским скупщиком-фабрикантом, для устранения которых требовалось вмешательство законодательной власти.

Рабочее движение в начальный период крупно-капиталистической фабрики (70—80 годы XIX ст.)

После крестьянской реформы 1861 года процесс пролетаризации сельского населения и образования класса свободных рабочих получает наиболее яркую форму в связи с политикой правительства и капиталистов в целях обеспечения себя рабочей силой, оставшейся без земли.

Старые формы организации промышленности и труда—вотчинные и посессионные фабрики—отмирали уже в половине XIX ст. Рост вольно-купеческой фабрики, окончательно механизированной к 60—70-м годам, мог происходить только в условиях обеспечения себя вольнонаемным трудом. Поэтому закон 1861 года, в достаточной степени выбрасывавший «свободные руки» в виде обезземеленного крестьянства, послужил основой для дальнейшего роста промышленного капитализма. Если в период 1860—71 г.г. в Ивановской области фабрично-заводскими промыслами было занято 96.655 чел., то в период 1871—80 г.г. насчитывается уже 120.145 чел. В то же самое время наблюдается уменьшение пахотной площади в среднем по области с 33% в 1860 г. до 27% в 1887 г. Очевидно, часть безземельного крестьянства нашла применение своего труда в местной фабрично-заводской промышленности; кроме того, часть деревенского населения лишена была этой возможности и должна была идти в отход на заработки в более или менее отдаленные губернии. Известно, что в начале 70-х годов владимирские плотники расходились тысячами во все концы России. В Костромской губ. массовый отход мужчин в некоторых деревнях приводил к тому, что «летом вовсе не остается мужчин и представителями их являются или бродящие старики или мальчишки не старше 12—13 лет».

В этой «бабьей стороне», по свидетельству Д. Жбанкова, «в отхожих местностях земля начинает терять свое значение фундамента крестьянского благосостояния. Для многих семей Солигаличского уезда земля есть неизбежное зло—доходов от нее никаких не получается, а подати за нее приходится отдавать от своего стороннего заработка, не имеющего никакого отношения ни к земле, ни к деревне».

Кадры образующегося класса наемных рабочих пополнялись также из состава маломощных кустарей-производителей, все больше терявших связь с землей и попадавших в цепкие руки или кустарей-кулаков, или скупщиков-комиссионеров, устраивавших в селах светелки и раздаточные конторы для раздачи пряжи и приема готового товара от кустарей. Процесс расслоения кустаря-крестьянина, начавшийся еще в крепостную эпоху, в переходный период возникновения крупно-капиталистической промышленности завершился выделением с одной стороны скупщика, мелкого фабриканта и содержателя светелки,

комиссионера, с другой—пролетаризованной артели кустарей, из которой капитал черпал готовую квалифицированную силу, наемного фабричного пролетария.

Наконец, чем более в промышленность проникала машина, заменяя ручной труд, тем более рабочие, еще связанные с землей на ручных мануфактурах, становились постоянными работниками на механизированных фабриках, для которых временный уход рабочих на полевые работы был невыгоден. Таким образом, развитие машинного производства способствовало отделению фабричного рабочего от земли. По данным материалов статистики Костромской губ. в Вичужском крае в 1881—82 г.г. «более половины мужчин и женщин, живут круглый год вне дома, исполняя разные работы на фабриках... Польза земледелия ускользает теперь из мысли люда фабричного, предпочитающего ежемесячное жалование годовичному доходу, доставляемому землей».

Процессу пролетаризации обнищавшего безземельного крестьянина и превращения его в фабричных рабочих содействовал и промышленный капитал, заинтересованный в постоянной рабочей силе. Обычно фабриканты на время ухода рабочих на полевые работы, т.-е. от пасхи до октября, назначали рабочим большую плату, а уход их в летнее время до срока влек за собой потерю части заработка и штраф. К числу мер, прикреплявших рабочего к фабрике, надо отнести и выдачу рабочим денег вперед, и устройство при фабриках казарм и др. Все усилия фабрикантов были направлены к тому, чтобы из случайного пришлого работника сделать постоянного и закабаленного фабрике рабочего со всеми последствиями самой жестокой эксплуатации его труда, типичного для первого периода капиталистической России.

Тяжелое положение фабричных рабочих Ивановской области определялось целым рядом производственно-экономических и правовых условий, в которых они находились. Существенную роль играла продолжительность рабочего дня, который по нашей области обычно равнялся 14—15 часам для всех рабочих без различия пола и возраста. Лишь законы 1881 и 1885 г.г., явившиеся результатом рабочих волнений, ограничили несколько рабочий день для женщин и детей. В отношении обеспечения рабочих заработной платой царил полнейший произвол. Санитарным обследованием фабрик Ковровского и Вязниковского уездов были установлены случаи, когда рабочие не знали «сколько положат» им за их работу, т. к. «назначение этой платы зависит вполне от доброй воли хозяина». В условиях наймально-прядильной ф-ки Демидова в с. Ярцеве. Вязниковского уезда, был даже параграф, которым определялось, что «если не будет в книжке означено жалование сдельное или месячное, то это будет соответствовать тому, что рабочий поступил без ряды, на жалование, какое ему назначит хозяин по своему усмотрению, судя по заслуге и работе нанявшегося». Вообще же, надо считать, как правило, что с введением машин заработная плата понизилась по сравнению с заработками на ручных мануфактурах, т. к. рабочему, по выражению Я. П. Гарелина, «пришлось уже не хозяйствовать, а стать в подчинение к бездушным

машинам». Несмотря на то, что за первые два десятилетия после реформы 1861 года заработная плата номинально возросла от 40 до 60% для различных категорий фабричных рабочих нашей области, все же реальная ценность ее упала на 20—30%, так как стоимость пуда ржи за этот же период возросла на 90%. Заработок рабочих основных профессий текстильных фабрик, не превышающий в 70—80-х г. г. 12—18 рублей в месяц, уменьшался еще более развитой системой штрафов и вычетов. По исчислению фабричного инспектора Владимирского округа Пескова по некоторым фабрикам штрафы и вычеты доходили до 5 р. с каждого рабочего в месяц. Тяжесть положения рабочего довершалась принуждением кредитоваться в фабричных лавках, где цены были выше рыночных; тяжелыми жилищными условиями, при которых на одного человека приходилось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{10}$ куб. сажени помещения; недостаточным вниманием к вопросам охраны труда на производстве; неорганизованностью медицинской помощи и проч.

Такие отношения между трудом и капиталом сложились уже в первые десятилетия после крестьянской реформы и, если 60-е годы являются переходным периодом, в который происходил процесс нарастания капиталистических отношений, то к началу 70-х годов он дал и свои результаты. В отношениях рабочего класса к классу капиталистов мы уже не видим элементов крепостничества, связанных с земельным наделом, с личной свободой; стачки рабочих носят характер чисто рабочих требований, они уже являются орудием борьбы продавцов рабочей силы и в этом смысле могут считаться явлением новым в истории рабочего класса, хотя и носят еще следы стихийности и бунтарства вчерашней крепостной эпохи.

Беглый обзор наиболее крупных проявлений рабочего движения, которое широкой волной разливается в области уже с начала 70-х годов прошлого века, развертывает перед нами картину постепенного перехода от стихийных выступлений связанного еще с землей полупролетариата к организованным стачкам, осознавшего общность своих интересов рабочего класса.

Первая стачка рабочих в изучаемый период происходила в 1870 г. в с. Тейкове на фабрике купца Захарова, где рабочие, обнаружив увеличенную длину куска миткаля на 15—20 аршин, потребовали прибавки к сдельным расценкам и оставили работу на $3\frac{1}{2}$ дня. Переговоры между рабочими и администрацией велись при посредстве двух выделенных из рабочей среды делегатов. Стачка закончилась только после того, как рабочие добились частичного удовлетворения своих требований и заверения владельца фабрики в том, что никто из участников стачки не подвергнется преследованию.

В следующем 1871 г. происходила редкая в истории рабочего движения стачка подростков и малолеток фабрики Гарелина в Иваново-Вознесенске в количестве 12 человек, которые, бросив работу, потребовали увеличения платы; не будучи поддержаны взрослыми, они не добились удовлетворения своих вполне основательных требований.

Участие подростков, как застрельщиков рабочей стачки, наблюдалось также в Костроме во время забастовки на фабрике Михина в 1873 году. Повод к забастовке — решение администрации производить работу в день 1-го января. Стачка отличалась бурными эксцессами: рабочие били стекла в фабрике и разнесли рабочую сторожку. Дело окончилось усмирением рабочих военной силой.

В 1874 году в области происходили две стачки: одна на фабрике Баранова в с. Карабанове, Александровского у., другая в с. Долматове, Кинешемского уезда. Однодневная забастовка 200 рабочих из-за невыдачи в срок заработной платы происходила в 1876 году на механическом заводе Шипова в Ив.-Вознесенске. В 1877 году бастовали рабочие в количестве 1000 человек на фабрике Шорыгина и Треумова в Ковровском уезде по поводу увеличения заработной платы и сокращения штрафов.

Особенно же сильный рост рабочего движения наблюдается с конца 70-х годов.

Как известно, 1875—87 г.г. были годами сильного кризиса в хлопчато-бумажной промышленности. Производство было сокращено, часть рабочих уволена, заработная плата уменьшена. Владимирский губернатор сообщал министру внутренних дел, что «учитывая временное затруднение в сбыте готовых товаров, рабочие соглашались на очень чувствительную для них жертву, лишь бы не допустить останова фабрик... но вот кризис прошел... фабриканты разгрузили свои склады... все потери за время кризиса возвратились с большим излишком..., а фабриканты не повысили заработную плату рабочим даже до того уровня, какой был до кризиса, т.-е. не возвратили тех 10%, которые при молчаливом согласии рабочих были у них срезаны для того, чтобы фабриканты легче могли перенести кризис».

Естественно, что такое отношение фабрикантов вызвало у рабочих взрыв возмущения и активную борьбу за повышение заработной платы. Одним из первых проявлений этой борьбы является стачка 3000 рабочих фабрики Каретникова в с. Тейкове в июле 1878 г. Четырехдневной стачкой рабочие добились повышения платы до уровня заработков 1876 года. Вслед за этой забастовкой в том же году и месяце происходила стачка рабочих механического чугунолитейного завода Шипова в Ив.-Вознесенске, добившихся отмены налагаемых на них больших штрафов за прогульные дни. Наконец, в августе 1878 г. происходила стачка рабочих механического завода Шипова в Костроме, где рабочим в течение 2-х месяцев не выдавалась заработная плата. Рабочие, «смастерив из кусков рогожи флаг, с громкими криками: — «Шипов прогорел» — требовали установления расчета 2 раза в месяц».

Еще сильнее рабочее движение в области разворачивается в следующем 1879 году, насчитывающем шесть стачек. В начале года с требованием о прибавке выступали рабочие Долматовской м-ры. В результате стачки трое рабочих были отправлены в ссылку. В апреле прекратили работу рабочие ситце-набивной фабрики Посылина в Шуе, требуя повышения расценок. В том же месяце рабочие фабрики Щербакова в с. Кохме, после отказа администрации отменить

вечернюю смену под праздники, ввели это правило явочным порядком, но, после предложенного расчета, вынуждены были отказаться от своих требований. Крупная стачка в 1879 году происходила в Иваново-Вознесенске на фабрике Зубкова с требованием 10% прибавки до 1 октября 1880 г. За участие в стачке были привлечены к ответственности 8 человек; все они были высланы, т. к. по распоряжению министерства внутренних дел «зачинщики стачек» должны высылаться, «не допуская дела до судебного разбирательства». Стачка зубковских ткачей оказала влияние и на другие фабрики, где предупредительно была сделана прибавка рабочим до 1 октября 1879 г. по 10 коп. на рубль. Несмотря на это, в том же году происходили еще две стачки за повышение заработной платы, одна на прядильной фабрике Гарелина в Ив.-Вознесенске, другая — на Собинской м-ре Лосевых. Обе стачки окончились репрессиями: «за подстрекательство» к стачке на фабрике Гарелина была отдана под суд работница Е. Евграфова, а с Собинской м-ры 30 человек были уволены и отправлены к месту жительства «под надзор селенных старост». В общем за 70-е годы насчитывается в области около 20 стачек с количеством до 15 тысяч участников, из коих около 12 тысяч приходится на текстильщиков.

80-е годы характеризуются новым экономическим кризисом, со всей тяжестью обрушившимся на рабочих. В связи с сокращением производства и уничтожением ночных смен в некоторых районах области было рассчитано с фабрик до $\frac{1}{3}$ рабочих. Заработная плата была понижена, штрафы увеличивались и бремя кризиса, таким образом, перекладывалось на рабочих. В своем отчете за 1885 год владимирский губернатор пишет, что «постоянное и прогрессивное понижение платы, повторявшееся каждый год при найме на зимние работы, а также большие штрафы... и всевозможные вычеты из заработков настолько уменьшили последние, что в конце 1884 г. лучший рабочий едва мог выработать в месяц 12 р., средний же заработок не превышал 8—9 р... Тяжелое положение рабочего повлекло за собой стремление принудить хозяев-фабрикантов к повышению задельной платы путем стачек...».

В феврале 1882 г. в борьбе с понижением расценков и возрастающими штрафами в Ив.-Вознесенске бастовали рабочие фабрики Дербенева, а в 1884 году — рабочие фабрики Гарелина. Но особенно бурными были стачки второй половины 80-х годов. В сентябре 1885 г. забастовали рабочие Долматовской м-ры Миндовского и Бакакина в Кинешемском уезде, будучи недовольны предполагаемым снижением расценков с 1 октября на 10%. Прекратив работу, рабочие выбили в фабрике камнями стекла. Рабочим был выдан расчет, а несколько человек из них было арестовано. В том же месяце 1885 г. в Иваново-Вознесенске с целью повышения расценков бастовало уже одновременно несколько фабрик с количеством до 6.000 человек. Бурное течение стачки закончилось тем, что рабочие разгромили торговые полки, а из Владимира были вызваны войска. В 1887 г. происходили волнения среди чесальщиков фабрики Зотова в Костроме, вызванные сбавкой расценков на 10 коп. с пуда.

Следующий 1888 г. был особенно обилён забастовками. В одной Костромской губ. происходило 6 забастовок, вызванных снижением расценок и увеличением количества налагаемых штрафов. Бурная забастовка четырех фабрик сразу происходила в том же году в Шуе: рабочие, требуя увеличения заработной платы и протестуя против введения двухсменной работы, били стекла в фабрике, и грозили бить полицию.

Наконец, в 1889 г. в Иваново-Вознесенске отмечаются еще более внушительные беспорядки рабочих одновременно на нескольких фабриках; стачка, вызванная увольнением части рабочих, сопровождалась буйным настроением рабочих, громивших фабрики, дома фабрикантов и проч. «Бунт» рабочих был прекращен только военной силой. В том же году «бунт» рабочих происходил на фабрике Разоренова в с. Тезине и закончился пожаром с. Тезина. Против рабочих, боровшихся со снижением расценок на 20%, были вызваны из Костромы войска. Подстрекатели к стачке были наказаны розгами и отправлены к месту жительства.

Значение стачек 70—80 годов XIX ст. в истории рабочего движения огромно. Кроме того, что они привели к постановке на очередь вопросов охраны труда в законодательном порядке, они, в то же время, чрезвычайно много способствовали накоплению рабочим классом опыта борьбы и закрепили в нем классовую волю и сознание. Если характерным признаком рабочего движения периода 70—80 годов являются еще черты стихийности и бунтарства, то в то же время в них нельзя не усмотреть и признаков начала организованности рабочих, когда они проводили стачки одновременно на нескольких фабриках с однородными требованиями.

К изучаемому периоду относятся и зачатки в области революционной пропаганды. В 1875 году в Иваново-Вознесенске действовала группа революционеров-народников, принадлежавших к «Всероссийской социальнo-революционной организации», участников «процесса 50-ти». В своей работе они пытались установить связь с рабочими текстильных фабрик. Подобные же попытки революционеров-народников повести пропаганду среди фабричных рабочих, обнаружены и в Костроме в 1878 г. после волнений на заводе Шипова. В 1880 г. возник революционный кружок в г. Владимире. Наконец, попытки направить свою деятельность к делу пропаганды революционных идей среди крестьян и рабочих проявлял также существовавший в 80-х годах кружок Якова Рассадина в г. Шуе. Надо, однако, сказать, что попытки эти не дали существенных результатов, и происходившее в области в 70—80 годах рабочее движение не было связано с деятельностью первых революционных организаций.

Проникновение в рабочие массы идей революционно-политического характера наблюдается только с начала 90-х годов, когда возникают рабочие революционные кружки, при чем эти кружки питаются не народнической идеологией, а все крепче связываются с нарождающимися организациями социал-демократического направления. 90-е годы и являются поворотным «исходным пунктом нового фазиса рабочего движения».

ЛИТЕРАТУРА

М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М. 1922 г.

М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России Ч. I и II, изд. „Сорабкооп“, Киев. 1924 г.

Н. И. Лебедев. Русский текстильщик в рабочем движении. Изд. ЦК текстилей. М. 1924 г.

А. Ф. Грязнов. Ярославская Большая М-ра. Изд. 1910 г.

П. М. Экземплярский. Очерки по истории текстильной промышленности верхнего Поволжья (XVI—XX вв.). Сбр. Изв. пром. область. Матер. к районированию, вып. 2-й. Ив-Возн. 1929 г.

Его же. Рабочее и революционное движение в крае. Сборн. „Иваново-Возн. губерния“. Изд. „Основа“, Ив-Возн. 1929 г.

Е. Дюбюк. Очерки по истории рабочего движения в Костромской губ. Вып. I. Изд. автора. Кострома, 1926 г.

Его же. Из истории крепостной фабрики в Ростовском уезде, Яросл. губ. Кострома, 1923 г.

Его же. Полотняная промышленность Костромского края. Кострома. 1921 г.

Его же. Материалы к истории русской фабрики и рабочего класса в XVIII и XIX ст. См. труды Переславль-Залесского Научно-Просветительного о-ва. Вып. 18. 1929 г.

А. Степанов. Крестьяне фабриканта Грачева. К характеристике крепостных капиталистов 1-й полов. XVIII и начала XIX вв. Записки историко-бытового Отд. Госуд. Русского Музея в Ленинграде, т. I. 1927 г.

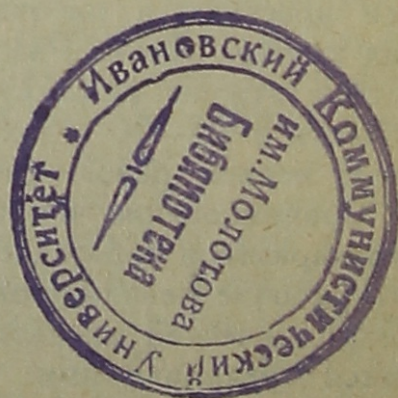
Н. П. Шаханов. Очерки по истории рабочего движения в Владим. губ. в 70-х годах прошлого столетия. Изд. Влад. Научн. О-ва по изучению местного края. Влад. 1929 г.

Н. Воронин. Крестьянское движение в Влад. губ. Сборн. „Из прошлого Влад. края“. Изд. Влад. Окр. Научн. Краеведческого О-ва. 1930 г.

Б. В. Златоустовский. Библиографический указатель материалов для изучения рабочего и профессионального движения в Ив.-Вознесенском районе.

1813—1921 г.г. Изд. Истпрофа ГСПС и Научн. О-ва Краеведения. Ив.-Возн. 1927 г.

История пролетариата СССР. Сборн. 1-й и 2-й. Издание Комкадемии. Институт истории. Секция истории пролетариата. 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Процесс образования рабочего класса в период крепостного хозяйства . . .	3
Положение рабочих и волнения их в период первоначального накопления промышленного капитала (XVIII и первая половина XIX ст.)	8
Рабочее движение и начальный период крупно-капиталистической фабрики (70—80 годы XIX ст.)	18
Литература	24

Отпечатано в типо-литографии „Красный Октябрь“ в гор. Иваново-Вознесенске по заказу Ивановского областного отделения Огиз в количестве 3000 экзempl. Обллит № 451. Огиз № 15. Ив. Заказ № 2939. 1½ печатных листа. Автор: Златоустовский Борис Владимирович. Июль 1931 год.

ЦЕНА 35 КОП.

„Книга—почтой“ высылает любую книгу, имеющуюся на книжном рынке, наложенным платежом без задатка. Заказы адресовать: Иваново-Еознесенск, ОГИЗ, „Книга—почтой“.

